

St John's Church News

No 20: December 2010

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО, ЧУДОТВОРЦА
ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN

His Holiness Kyrill, Patriarch of Moscow and All the Russias
Most Rev. Metropolitan Hilarion, First Hierarch of ROCOR
Very Rev. Mark, Archbishop of Berlin, Germany and Great Britain

Confession and Contact / Исповедь

T: 01394 273820

E: frandrew_anglorus@yahoo.co.uk

W: www.orthodoxengland.org.uk

For this newsletter: www.orthodoxengland.org.uk/zchurchnews.htm

The Orthodox Tradition requires confession before communion. For confessions on Saturdays, Sundays or at other times, and for baptisms, weddings, house blessings, car blessings etc: о. Андрей / Fr Andrew:

Services in December / Расписание богослужений

Friday 3 December

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Saturday 4 December

10.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение.

Sunday 5 December

10.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 11 December

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение.

Sunday 12 December

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Saturday 18 December

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение.

Sunday 19 December

10.00 am: Hours and Divine Liturgy. St Nicholas Day. / Часы и Божественная литургия. Божий угодник Свт. Николай.

Saturday 25 December

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение.

Sunday 26 December

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Baptism:

15 November: Maria Senchievici

Funeral:

19 November: Princess Maria Golitsyna

The funeral took place in Suffolk, where Mary (as we called her) had lived and attended church in Felixstowe for eleven years. From the old emigration, Mary was a daughter of the famous Golitsyn family in London and had been suffering from terminal cancer for the last year. May God grant her peace in His Kingdom. Вечная Память! Eternal Memory!

Dates for Your Diary / Важные Даты на Следующий Год

Christmas: Friday 7 January /

Рождество Христово: Пятница 7 января

Theophany: Wednesday 19 January /

Богоявление: Среда 19 января

Easter: Sunday 24 April /

Пасха: Воскресенье 24 апреля

Patronal Feast: Saturday 2 July /

Престольный праздник: Суббота 2 июля

Our Memorial Cross

Our Memorial Cross was erected with the help of a crane on Wednesday 3 November. On Sunday 7 we blessed it and on Sunday 14, when English people have Remembrance Sunday in honour of all the victims of wars since the First World War, we had our first memorial service in front of it. Although Saturday is the normal day for memorial services, we make this exception once a year. The granite and engraving will be placed around it in December. We hope to have a formal ceremony with local dignitaries next year. This is the only Russian Orthodox Memorial Cross anywhere in England. Anyone passing on Military Road (8,000 cars a day) can see the Cross and any Orthodox who are passing can stop and pray in front of it and light a candle.

We would like to express our gratitude to the three parishioners who together donated £900 towards the total cost of £1,800, as well as to our Orthodox friend, Marios Lingi, at Thorogoods Timber Merchants and his Director, Peter Thorogood, who gave us the wood (oak) free. We would also like to thank Tony Humm our carpenter, whose wife is Ukrainian and who gave us a special price, and to John Smith, the mason, who also gave us very favourable terms. Thank you!

Поклонный крест

В среду третьего ноября у храма был установлен поклонный крест. В воскресенье, 7 ноября, крест был освящен, а в декабре он будет покрыт гранитом. В воскресенье, 14 ноября, когда в Англии празднуется День Памяти в честь погибших в Первую Мировую и последующие войны, у нас была первая лития у креста. В декабре он будет покрыт гранитом.

Обычно поминовение усопших совершается в субботу, но раз в году мы делаем исключение. В следующем году мы надеемся провести официальную церемонию с участием высокопоставленных лиц. Наш крест является единственным поклонным крестом в Англии. Крест виден всем проезжающим по Милитари Роуд, - а это примерно 8000 автомобилей в день. Православные верующие могут помолиться у него и зажечь свечу.

Мы выражаем благодарность трем прихожанам, которые пожертвовали 900 фунтов, покрыв таким образом половину расходов, связанных с установкой креста (1800 фунтов). Мы также благодарим нашего православного друга Мариоса Линги (Marios Lingi), работающего в компании Thorogoods Timber Merchants, и его начальника Питера Торогуда (Peter Thorogood), которые безвозмездно пожертвовали нам дубовые панели для креста. Мы также хотим поблагодарить нашего плотника Тони Гамма (Tony Humm), жена которого родом с Украины, любезно согласившегося сделать для нас крест по сниженной цене, и каменщика Джона Смита (John Smith), также предложившего свои услуги на выгодных для нас условиях.

НЬЮ-ЙОРК: 4 ноября 2010 г.

Сообщение из канцелярии Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви о молитвенном поминовении приснопамятного митрополита Филарета (Вознесенского).

Преосвященные собратья-архипастыри, всечестные отцы, дорогие о Господе братья и сестры,

21 ноября, в праздник собора Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, исполняется 25 лет со времени кончины приснопамятного митрополита Филарета (Вознесенского), третьего по счету Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, одного из моих предшественников по Восточно-Американской кафедре, хиротонисавшего мое недостойнство во епископы в 1984 г.

Настоящим предлагается во всех храмах Русской Зарубежной Церкви почтить память Его Высокопреосвященства совершением особого молитвенного поминовения в этот день на Великом входе Божественной литургии и на последующей за ней заупокойной литии, предварив ее назидательным поучением.

Помолимся о упокоении души приснопамятного митрополита Филарета с любовью и благодарностью за его подвиги, служение, проповеди и многоценные наставления о том, как проходить духовную жизнь и спасти свою душу в Церкви Христовой. Пусть наше поминовение станет лобзанием святым совершенного при митрополите Филарете в 1981 г. мужественного подвига прославления многочисленного сонма новомучеников и исповедников Российских, явившихся ходатаями нынешнего обновления и духовного возрождения русского народа!

+ ИЛАРИОН,
Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский,
Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

NEW YORK: November 4, 2010

Announcement From the Chancery of the Primate of the Russian Orthodox Church Outside Russia on the Commemoration of Metropolitan Philaret (Voznesensky) of Blessed Memory.

Dear Brother Archpastors, Reverend Fathers, Dear Brothers and Sisters in the Lord,

November 21, the feast day of the Archangel Michael and the Other Bodiless Powers, is the 25th anniversary of the repose of Metropolitan Philaret (Voznesensky) of blessed memory, the third Primate of the Russian Orthodox Church Outside of Russia, one of my predecessors in the Eastern American Diocese, who consecrated my unworthiness to the episcopate in 1984.

All the churches of the Russian Orthodox Church Outside Russia are advised to commemorate His Eminence with a special prayerful service during the Great Entrance of Divine Liturgy and a memorial litany following, preceding it with an edifying sermon.

Let us pray for the repose of Metropolitan Philaret of blessed memory, with love and gratitude for his ascetic feats, his service, his sermons and many invaluable teachings on how to lead our spiritual lives and save our souls in the Church of Christ. Let our commemoration be as a kiss to the Holy New Martyrs and Confessors of Russia, canonised by the courageous feat of Metropolitan Philaret in 1981, who are intercessors for our present renewal and the spiritual rebirth of the Russian people!

+ HILARION, Metropolitan of Eastern America and New York,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Outside Russia.

Dates for Your Diary / Важные Даты на Следующий Год

Christmas: Friday 7 January /

Рождество Христово: Пятница 7 января

Theophany: Wednesday 19 January /

Богоявление: Среда 19 января

Easter: Sunday 24 April /

Пасха: Воскресенье 24 апреля

Patronal Feast: Saturday 2 July /

Престольный праздник: Суббота 2 июля

SPUC

The Society for the Protection of Unborn Children has existed in England for over forty years. It is devoted to stopping abortions (over 200,00 a year in the UK) and also preventing euthanasia (much encouraged by the Blair government) and helping pregnant mothers who are not sure what to do. Fr. Andrew was invited to its Conference in London on Thursday 19 November, when he met other Orthodox clergy from the Greek and Serbian Churches as well as Catholic clergy.

Our Newsletter

Beginning with this issue, we are extending our St John's Church News and hope to develop it into a real monthly journal. We will also include children's pages. For this we need your participation. This month we have a long article in Russian, written by one of our own parishioners, about coming to the Faith. Next month, January 2011, to make up for this, for our English speakers we will have some articles in English or else in both languages. These articles can be about our common faith, your experience of Church life, some useful information etc. Please start writing!

Моя Вера

Рано мне в тридцать лет писать мемуары, но чувствую, это может кому-то пригодиться.

Я крещена в младенчестве. Мама родила меня в родном городе, гостя у матери. Проснулась как-то: меня нет рядом. «Понесли крестить», - подумала. Бабушка с прабабушкой меня носили крестить. А потом приехал за нами папа, принял меня на руки: «Ну, иди ко мне, раба Божия».

Я много гостила у бабушки. Она водила меня в церковь раза два в году. Один раз причащать, один раз к Плащанице. Учила кланяться перед иконами. В углу была икона с горячей лампадкой. Бабушка приговаривала: «Бог все видит!» Я боялась Бога, Который все видит, немного боялась и икону, едва различимую в темноте. И я кланялась Ему, надеясь, что Он не очень будет на меня сердиться. А я ведь была такая грешная в свои пять-шесть лет! Грехов моих было не счесть, и мне тяжело было от того, что Бог все видит. Днем я была смесью бандитки и ревы. Несмотря на запрещение бабушки, копалась в холодном песке, плевалась рябиной через трубочку, уходила без спросу к подружке, живущей на краю света... точнее, дома, аж в шестом подъезде. Днем я думала только о своих девчачьих интересах, мультиках, куклах, подружках, проделках. Но вот наступала ночь, и Бог смотрел на меня с иконы. Я крестилась и кланялась, как научила бабушка. Как-то раз прибежала к завтраку: «Бабушка, я Богу поклонилась!» - «Умница!» - запричитала бабушка, а дядя с тетей, студентка и старшеклассник, стали надо мной смеяться и передразнивать: «Богу поклонилась!» И

посмотрели. Я была раздавлена. Разве можно сравнить молодых, задорных, умных тетю и дядю с бабушкой! Я разве кулак ей не показала. И перестала кланяться.

К восьми-девяти годам иго было скинуто, и я вздохнула свободно. Случилось это благодаря моим размышлениям наедине с собой. Я много думала о войне и страданиях. И вдруг, словно ошпарило: если Бог был бы, разве допустил бы он войну? И эта мысль несколько лет казалась мне удовлетворительной. Бог и война несовместимы. Я высказала это со всей горячностью папе. Он посмотрел на меня спокойно и с жалостью: «Какая ты глупая!» И то же сказал, когда я указала ему на обезглавленного петуха: «Где же его душа, а? Мы его ошпарили и есть будем, а у него душа где-то, да? Ха-ха!» Но сконфуженно замолчала, поймав папин взгляд, съежилась и почувствовала себя дурой.

Плюс, конечно, школа началась. Не столько влияли учителя, сколько подружки. Верить было пределом глупости. Вера – для бабушек. И я внушала подружке, с которой мы недавно думали вместе о Боге: «Успокойся ты! Нету Его!» Сказала с чувством освобождения. А она сказала тихо: «Нет, есть...»

В церковь я продолжала ходить раз в году – для бабушки. В двенадцать лет взбунтовалась: хватит, не маленькая! Но мама сказала: разве тебе трудно, для бабушки?

В тринадцать лет приплелась с бабушкой в свой ежегодный поход для галочки. Священник говорил проповедь перед исповедью. Невысокий невзрачный человек с тихим голосом, он говорил о покаявшейся блуднице и Христе. Умом я мало что поняла, я не знала, что такое «блудница», но что-то я почувствовала сердцем. Я много плакала. Исповедовалась как всегда, формально (если б я знала, что можно неформально, сколько бы я рассказала!), два слова, но в душе родилось великое, к батюшке появилось доверие.

По дороге домой бабушка говорила: «И какие твои грехи-то, ты маленькая...» Да я с детства великогрешница, а тут – какие грехи! В тринадцать-то лет, в самый переходный возраст, когда вдруг понадобился смысл жизни, пришла первая мучительная любовь, все вокруг было не мило, школа ненавистна, книги утоляли жажду смысла горячим песком и стали посещать мысли о самоубийстве. Это в счастливой-то семье, с любящими папой и мамой, когда многие ровесники радовались жизни, ходили компаниями, танцевали на дискотеках, начинали курить и краситься. Я же никогда жизнелюбом не была, при столкновении с любыми маломальски серьезными проблемами мне хотелось умереть. Ну, в крайнем случае, уехать навсегда. Я тоже красилась и отчаянно влюблялась, тайно, без флирта и безответно, пару раз была на дискотеке. А жить не хотелось.

В четырнадцать лет я пошла в церковь охотно, но меня ждало разочарование. К исповеди я по-прежнему относилась, как к формальности, а мне она нужна была. Чувствовала себя нечистой и из храма вышла неочистившейся. Задумалась. То, что год назад было дано даром, надо было потрудиться найти. И я искала: в «Войне и мире», «Преступлении и наказании», научной фантастике и многом другом. Найдя крупички, радовалась им и плакала над ними. Иногда теряла. Иногда разочаровывалась.

Как-то мы с братом, два глупых подростка, возились по-детски и толкнули маму. А мама сказала, что мы ждем малыша. Сначала я захлебнулась от счастья, но тут же сердце сдавила тоска: а что, если мы, два оболтуса, навредили малышу, ведь толкнули маму сильно? И перед сном я встала на колени в темной комнате и просила Его, Который там, наверху и всем незаметно заведует: «Не дай, чтоб мы повредили маленькому! Чтоб ручки-ножки были...и глазки!!!» И я плакала.

А когда родился он, стал мне, пятнадцатилетней, дорожке отца с матерью. Я носила кулечек, приговаривая: «Хочу, чтоб был мой! Мой, мой!» Он и был мой. Я была назначена крестной братика. Когда крестили его, папа, усаживая нас в машину, сказал мне: «Теперь отвечаешь за него перед Богом.» Как я тогда понимала христианство своей пятнадцатилетней головой – очень смутно. Но поняла: произошло великое.

Жизнь моя теперь в большой мере была заполнена братиком-крестником. Из школы, а позже из института бежишь – к нему! Хотя поиски смысла жизни продолжались, и порой бурно. Периодически впадала в депрессии и влюблялась, но уже не до гроба, как в тринадцать лет. Как-то родители вернулись с братиком откуда-то, дома грязь, посуда не мыта, ни одно мамино поручение не исполнено... Мама пыталась меня ругать, а я только огрызалась в ответ. Темные люди, у меня любовь уезжает в Израиль, а они привязались с обязанностями. Но взяла братика на руки, поплакала. Любовь уехала, и я успокоилась. Задумалась: христианство, иудаизм... Но ненадолго.

Какое-то время палочкой, костылем служил пример дяди, папиного брата. Дядя - умнейший образованнейший человек, а верующий. Православный. Это в еврейской атеистической семье! Значит, если меня мучают какие-то вопросы, сомнения, и его когда-то мучали. И он нашел ответ! Он в сто раз меня умней, и он верует. Значит, есть ответы на мои вопросы и сомнения. Дядя был пример осязаемый, а позже список умных верующих людей был пополнен Паскалем, Ньютоном, Достоевским, Ломоносовым. Произвело впечатление.

Читая «Войну и мир», поражалась: вот я девушка, а ни на одну девушку в романе не похожа. Я...Пьер Безухов! Наташа казалась мне готовым типом, словно она родилась с какими-то понятиями, умная, мудрая...А я такой не родилась, мне нужно было кем-то становиться. Наташа – опора Пьера, вдохновитель, а я сама нуждалась в опоре.

Дедушкина сестра, монахиня, подарила мне крестик. До этого момента я уже иногда носила крестик (почему-то было убеждение, что надо носить), а тут уже как надела – и больше не снимала. А в классе началось «езжай в свой Израиль». Это из-за фамилии. Мама предлагала фамилию сменить. Сначала идея показалось мне ужасно интересной, а потом как обухом по голове: это что же, я папочкиной фамилии стесняюсь? Это за всю его любовь ко мне я откажусь от его имени? Ну уж нет!

Я носила крест, была влюблена в мальчика еврея, была крестной братика, читала «Московский комсомолец», нагавивший мне в душу, ходила раз в году в церковь, хотела, чтоб мальчик меня тоже полюбил и взял с собой в Израиль. Но он не полюбил и не взял с собой. А я поступила в институт.

В институте все было другое, все было интересно. А интересней всего было познакомиться с веселой яркой девушкой, которая приглашала нас всех в «Новую жизнь» изучать Библию. Мы все пришли из уважения к ней, а я осталась там года на полтора. Мама за меня не очень переживала, она знала, что я там не останусь. Мне повезло: из всех многочисленных сект, наводнивших Россию, эта протестантская организация оказалась «с человеческим лицом». Впервые я сознательно читала Библию. Мы собирались по воскресеньям в кинотеатре, пастор читал проповедь, у каждого была Библия на коленях. Я стала читать Писание жадно, особенно полюбились мне апостольские послания. Без малейшего желанья заучивать наизусть, я случайно все же заучивала – так много и вдумчиво читала. Читала и плакала, радовалась: вот оно! Я погрузилась в неизведанный мир со всем жаром восемнадцатилетней души, много молилась, забрасывала вопросами пастора, руководителей групп. Ездила на конференции. Перестала влюбляться – душа работала в ином направлении. Но и этого скоро стало мало.

Когда я только начала ходить к евангелистам (от слова «протестанты» их передергивало), я совершила свой ежегодный визит в православную церковь, уже сама, в своем городе, без бабушки. В голове у меня была страшная каша. На исповеди мне в голову не пришло сказать, что хожу к протестантам! Самым страшным грехом считала чревоугодие, и язык не поворачивался его назвать. А то, что собрания посещаю – какой же это грех? И я не сказала. Жаловалась на тоску, меня грызущую. Батюшка посоветовал читать Акафист Иисусу Сладчайшему сорок дней подряд. Я причастилась. Но Бог поругаем не бывает. Придя домой, я так страшно рыдала, что напугала маму. Она не знала, что делать. Никаких слов мне не нужно было, чтобы понять, что причастилась в осуждение. Никакие философские выкладки не могли меня утешить. Я разве что не выла, меня трясло. Мне было очень плохо.

Потом я схватилась за соломинку: акафист! И я стала его читать по вечерам, сидя за письменным столом, вчитываясь в незнакомые удивительные слова. Почитала несколько вечеров. Мне стало заметно легче, было чувство, что прощена. А за что – все равно не понимала! И я перестала читать акафист, а с головой погрузилась в «Новую жизнь».

Двоюродная бабушка – монахиня сказала: раз ходишь к протестантам, нельзя причащаться. «Ну и пожалуйста!» - сказала я и перестала ходить в церковь.

В группах по изучению Библии я была как бельмо на глазу: одна задавала столько вопросов, сколько могла целая группа задать. Мое любимое послание было послание святого апостола Иакова. Если б я тогда знала, что Мартин Лютер его хотел выбросить из Библии! И с вопросами по посланию я приставала к руководителям, пасторам. Руководители мямлили. А пастор сказал следующее. Насчет исповеди: «Исповедуйте грехи свои друг другу, и Господь простит вам», он свел все в очень простую плоскость: «Ну и как же молодая девушка будет исповедаться мне в блюде? Вы можете это представить?» Я так и села. Мне надо было исповедаться в тысяче вещей – почему же непременно в блюде?

На второй вопрос: «Если страждет кто, пусть позовет пресвитеров, и они помажут его, и молитва веры исцелит болящего», пастор сказал: «Я не знаю!» Сказал честно и сверкнул очками.

Надо сказать, пастор был личностью незаурядной, богато одаренной. Он не был типичным поверхностным американцем. Я с ним подружилась, была просто в восхищении и от него, и от организации. И тем не менее временами душа кричала во мне, что-то настораживало. Позже я узнала, что лучшие места из его проповедей принадлежали блаженному Августину (может, он и не скрывал этого – я не помню). Время от времени он свидетельствовал против протестантизма, сам того не ведая. Например, рассказывал о бриллиантах. Чем настоящий бриллиант отличается от фальшивого? Фальшивый больше блестит, а настоящий – твердый. Вот и вера настоящая – твердая. Я выросла в кресло кинозала. Твердая. А фальшивая – блестит больше. А настоящая – твердая. А кругом началось: два притопа, два прихлопа, песни и гимны, которых я всегда в глубине души стеснялась. Разве можно эти безыскусные, мягко говоря, гимны, сравнить с акафистом или утренним и вечерним правилом в православном молитвослове, куда я уже частенько заглядывала?

Так был заброшен первый камешек. А дальше – больше. Еще такой пример на проповеди: если хочешь сдвинуть стену с места, как лучше сдвигать: если подойти к стене вплотную или если отойти от нее и сдвинуть рычагом? Это он о мире, коснеющем в грехе, что бывает нужда отдалиться от него, чтоб изменить его. Меня обожгло: «Так это он о монашестве, которого он же не признает!»

А третий был самый сильный довод: «Почему жертву Авеля Бог принял, а жертву Каина – нет? Причина в НЕПРАВИЛЬНОМ ПОКЛОНЕНИИ». Тут мне стало все ясно. Здесь поклоняются, но неправильно. Я не принимаю такого поверхностного поклонения.

Помню, как на конференции мне внушали, что я спасена. Я весь день радовалась: «Я спасена! Я спасена!» А потом меньше: «Я спасена. Я спасена...Я спасена?» Да спасена ли я? И твердо поняла, что – нет. Еще нет, во всяком случае.

На этой же летней конференции вся обстановка: гостиница, собрания, изучение Библии под хруст попкорна и бульканье кока-колы стали душить меня. Я плакала и не находила себе места. Пыталась молиться, все коленки ковром стерла, а все было плохо. И я поехала в церковь. Была проблема: платка у меня не было, а я была уверена, что без платка и не пустят. А я все равно поехала. Там и рядом были храмы, но я знала только один храм, куда изредка заходила после институтских занятий. Подошла к женщине у храма, говорю: платка у меня нету, как быть? А она достает из сумки новый (!) платок: на, надень, потом отдашь. Что, говорит, не хватает тебе наших святых? У протестантов-то нет святых, не признают. Я высокомерно посмотрела на нее: какие святые, о чем она? Разве мне нужны святые? Мне нужен Бог! Очень нужен! А у меня Его нет...Не хватает мне Его...

И я пошла в церковь, помолилась как могла. Свечи принципиально не ставила. И вернулась на конференцию.

Я призналась молодой «наставнице», американке: я была в православной церкви, мне было плохо. Она пожала плечами. Холодно. Уж на что они все там сахарные, внимательные, приветливые, а скажи «православие» - и леденеют. Некоторые, поглупее, смеются. Поумнее настораживаются.

Бабушка-монахиня подарила маленький старый акафистник с изъяснениями некоторых догматов православной веры. В том числе причастия. Я была поражена. Я была согласна с каждым словом. То, что там написано, было не ново для меня, а давно знакомо. Только я этого не знала. И я подумала – еще один шаг, один толчок – и я буду православная.

Но не так скоро. Я собралась креститься в «Новой жизни». А совесть грызла, кричала, я не могла заглушить ее никакими доводами наставников. Накануне крещения я поехала к пастору домой для выяснения моих сомнений. Смутно помню его бегающих детей. Он провел меня в кабинет, усадил в удобное кресло и сам сел напротив. Я начала говорить: как я оскорблена отношением некоторых американских наставников к Православию, как они смеют смеяться (а я ведь себя не считала православной! Но за Православие обиделась), какие бывают там недалекие и неумные руководители... Пастор сказал, что это напоминает ему стрельбу в чучело: набивается чучело, называется как угодно, и стреляющий думает, что целится в то, во что он чучело наименовал. Они, глупые необразованные американцы, думают, что нападают на православие. На самом деле они нападают на свою идею о православии, не имеющие с ним ничего общего.

Я не помню, как мы вышли на разговор о причастии. И тут он сказал то, после чего я решила не креститься у протестантов. Я спросила: «Что такое причастие по-Вашему?» Ответ был расплывчатый: «Что-то таинственное, великое...Воспоминание Господа.» - «Ага! Воспоминание! А послание к Коринфянам? «Вкушающий недостойно повинен крови и плоти Господа». Пастор не согласился. Я встала, чтобы уходить. Мы оба понимали, что креститься в «Новой жизни» я не буду. А пастор вдруг сказал: «Такие, как ты, становятся монахинями!» Мне показалось, это вырвалось непроизвольно. На прощание он показал мне ряды книг, от пола до потолка. Там и протестантские авторы, и католические, и Честертон,

уважаемый мной, и православные! Позже я думала: это американские девочки ничего не знают о православии и глумятся. А главный их – все знает! И не принимает. Сознательно. Хотя для проповедей пользуется православными источниками. И еще одна деталь. Половину беседы я терпела свет от торшера, направленный мне в лицо. А пастор был в тени. Как в гестапо. Когда я попросила убрать свет, он смутился... Но это не помешало мне еще долго рассказывать о нем с восторгом.

А толчок к православию произошел с помощью старенькой соседки, умирающей от рака. Мы давно были в какой-то мере связаны с бабушкой Настей (мы так звали ее с детства), поменялись квартирами, она и ее покойная дочь оставались с нами на день-другой, когда родители уезжали. Несколько лет я ее почти не видела: сначала дочь ее болела раком, и нам было приказано не подходить к их двери. Дочь умерла, а теперь болела она. В восемнадцать лет я понимала, что это не заразно, и заходила к ней. Она просила почитать ей Евангелие и книгу пророка Ионы, которую она очень любила. Я с удовольствием читала. А потом у нас были бесконечные разговоры и дискуссии. Как только мы доходили до моих посещений «Новой жизни», бабушка Настя возмущалась и начинала плакать. «Люди в храм Божий ходят, а эти по тиятрам собираются! Пасха на носу, а они – в тиятр!» Как только начиналась «волынка», я поворачивалась к бабушке «глухим ухом», как говорят англичане. Диалог был нарушен, я ждала, когда она выговорится. Когда же она просто рассказывала о том, в каких монастырях она побывала, истории разных людей, я слушала, раскрыв рот. Рассказчица она была отменная. Живые карие глаза блестели при воспоминаниях о паломничествах, о службах. Иногда она останавливалась и закусывала губы от боли. От обезболивающих уколов категорически отказывалась: «что я буду лежать, как бревно? Язык не слушается, пошевелиться не можешь. Я лучше так, покричу-покричу – и отпустит.» Много раз рассказывала она притчи, которые позже я читала в житиях святых. В ее исполнении они звучали ярко, прочувствованно. Тосковала по храму. «Скоро благоразумного разбойника будут петь, а я тут лежу...» Она заразила меня своей тоской, я все чаще навещала храм: на пятнадцать минут, на полчаса. Не крестилась, свечей не ставила. Батюшек как огня боялась и не смотрела в их сторону. Почему-то решила, что буду соблюдать посты (еще всюю посещая «Новую жизнь»), и праздники встречала по православному календарю. Песни мальчиков-зайчиков в «тиятрах» на Рождество и Пасху меня не устраивали, я шла в храм. Спросила как-то американцев, наивно, без подкола: «Почему вы не поститесь?» Смутились ужасно и стали лепетать что-то на тему «запостившихся до смерти людей». Так. Значит, и кушать не менее вредно, чем поститься: можно умереть от обжорства. Давайте вообще не есть.

Люди умные начинают новое потихоньку и постепенно совершенствуются. У меня же с постом получилось наоборот: мой первый Великий Пост был самый честный, хороший пост в моей жизни. Я редко заходила в церковь, но понимала, что постится человек для Бога и старается ограничивать свои желания, не грешить. Я старалась согласно своему пониманию. Американцы приглашали отмечать день рождения в «Макдональдс» - так хотелось пойти поздравить девушку хорошую – и не пошла. В театр пригласил студент-канадец на «Вишневый сад» - два года назад не смела и мечтать о подобной чести – и тоже не пошла. Так он больше и не звонил. Но к отказу отнесся с уважением, у него родители – католики, понимают, что значит пост.

И вот первая пасхальная служба. Не ночная, утренняя, а мне так радостно. Приехала с другого конца города. Ушла со службы, не дотянув до конца, когда почувствовала: вот я наполнилась. Люди смотрели недоуменно вслед, а я уходила счастливая, и даже место в транспорте на обратном пути кому-то уступила, хотя и ноги гудели.

Летом перед отъездом на море зашла вечером на службу. А там полиелей, батюшка помазывал всех. Стояла и думала: имею право подойти или нет, я же вроде неправославная? А подошла, и меня помазали, и я радовалась. И словно чувствовала: Господь «авансом» дает, пусть я не понимаю, потом пойму. Как палочку в руки дают, чтоб опираться при ходьбе: сначала палочка «наступает», а потом человек сам. Долго потом я вспоминала это помазывание, что-то повернулось в душе.

Еще перед поездкой на море я познакомилась с бабушкой, просящей милостыню у храма. Бабушка оказалась ненастоящей нищей, а настоящей артисткой, но мне это не очень навредило. Она познакомила меня с человеком, который и помог мне совершить решительный шаг. Немного пообщавшись с убежденным и волевым человеком, я словно заняла у него решительности, необходимой для прыжка. Позже мы расстались, так как были очень разными людьми.

Осенью я вернулась домой новым человеком. Мама с бабушкой успокоились. Я пришла к соседке, бабушке Насте. Вот кто восполнил молитвы мамы и бабушки за меня, тяжкобольной, страждущий человек, почти все мысли которого сосредоточились на мне. Умиравшая бабушка Настя против «Новой жизни». Она много раз цитировала евангельские слова: «Виноградник, который не Я насадил, засохнет». Давно не знаю ничего о «Новой жизни», но слышала, что отъезд талантливого проповедника был началом упадка. Интересное наблюдение: мы шли к протестантам всем скопом, за компанию, а уходили оттуда поодиночке. Встречаешь бывших соратников по изучению Библии, спросишь: как дела? И нередко оказывается, что «песни мальчиков-зайчиков» надоели, и тянет в храм, а о бывших тусовках и вспомнить стыдно... Так, конечно, случается не всегда, бывает, наши ребята остаются в организации и продвигаются по службе, сверкая голыми коленками в шортах, перенимают американский акцент и американские замашки...очень их жалко.

Мы собирались переезжать на новую квартиру, и я переживала, чтобы мы не раньше переехали, чем бабушка Настя умрет, а то как же мне навещать ее? Она умерла, и ровно через месяц мы переехали.

От бабушки Насти мне еще был дар: духовный отец. Другая ее дочь, которая ухаживала за ней, спросила меня, есть ли у меня духовный отец. Узнав, что нет, обещала поговорить с батюшкой, который причащал бабушку Настю на дому. И он велел мне прийти на исповедь.

Пришла я после исповеди радостная и все плакала, так хорошо было. Впервые в жизни я задышала воздухом, не отравленным вымыслами человеческими. Дышала полной грудью и надышаться не могла. Когда мне говорят, что исповедь сродни психоанализу, что сходи, мол, к психологу хорошему – и все в шоколаде. Что религия – для самоуспокоения, с религией удобней. Да, бывает – удобней! «Блажен уверовавший, тепло ему на свете.» Так, да не так! Нередко же понимаешь, что вера твоя велит тебе трудное, неприятное, зовет тебя на крест, и хочется спрятаться – но есть что-то, Кто-то выше твоего понимания, и повинешься (или противишься) ты не доводам ума своего, а Сотворившему ум твой.

А в советское время была поговорка: «Широка дорога без Бога!» И в какой-то мере это верно!

Протестанты все твердили: покайтесь, уверуйте, становитесь лучше! И я стремилась – и не могла! Стремление-то они давали, а средств – нет! Это как безногому сказать – чего сидишь, беги! А в православной церкви я почувствовала силу, твердость (про бриллианты вспомнила). Принимаешь Таинство – и понимаешь – происходит что-то, сила дается в нем. Слово священника – со властью. Ведь так порой скажет батюшка, сам не ожидая, что

«попадет в десятку». Тебе дается не только заповедь, а и средство к исполнению ее. Все подростковые годы меня не покидало чувство одиночества, несмотря на замечательную семью и друзей, в шестнадцать лет я воскликнула: «Человек – одинок!» Оттого и влюбленности эти роковые, что не хотела быть одинокой. И вот священник, который первый раз в жизни меня видит, у которого нас, детей духовных, сотни, принимает меня под крыло, под свою защиту, берет мои немощи на себя, и я – не одна! Какой силой он это делает? У него тоже, как и у всех, двадцать четыре часа в сутки. Не своей властью он это делает, не психологическим анализом лечит. Ему дает это...Кто? Откуда он меня знает так, как я себя не знаю, почему он уверен, что вот тут я явно на себя наговорила, и вместо суровой отповеди гладит меня по голове, как деточку... и я понимаю, что я деточка и есть, капризная, нерадивая, но все же не такое исчадие, каким себя считала...и плачу. Откуда у него в запасе крошечный цыпленок, которого он подкладывает в рукав еще одной великогрешнице, моей подружке, которая на Пасху вдруг осознала свою многогрешность и плачет, и не может радоваться, и никакие уговоры на нее не действуют, а когда она подходит к кресту, в рукаве у нее оказывается цыпленок...И она понимает – Пасха на дворе, хватит плакать, берет цыпленка и идет домой, и радости ее никто не отнимет у нее. Фрейд что-нибудь говорил о цыплятах, вы случайно не помните?

Где вы, мои наставницы, твердившие мне, что я спасена, такие же девочки, как я, на годик-другой старше? Не может младенец водить младенца.

Хочу сразу оговориться: я относилась к бабушке как к отцу. Смотреть на него боялась. Когда мне сказали: ах, какой он красивый, да какой удивительный, я была оскорблена. Про отца ведь не знаешь: красивый – некрасивый, это же – отец!

Как-то поссорилась с папой – событие редкое, я всегда с папочкой дружила. На исповеди еще не успела сказать, а бабушка: «Со всеми надо жить в мире!» И многозначительно посмотрев, добавил: «И с папой!» Меня пот прошиб.

Однажды я оказалась в такой ситуации, что люди приходили ко мне и выкладывали свою жизнь, плакали и просили совета. Сначала – лестно, потом – тяжело, а потом и вообще невыносимо. Говорила: «Не надо мне, подождите до исповеди, все и расскажите!» Но бывало, человек уже перешел грань и не мог остановиться и вываливал все на меня. А я ведь жизни не знаю, и некоторые подробности жизни этих людей бывали мне омерзительны, тяжелы, у меня надломилась психика. А один священник мне на это сказал: да ты с ума сошла! Ты же берешь то, что они говорят тебе, НА СЕБЯ – это безумие! Я, когда слушаю исповеди, не беру на себя. Человек мне выкладывает, а я – Христу! Он – мне, а я – Христу! Разве мог бы я сам понести все это? Я бы умер!

Побыв невольно «психотерапевтом» я поняла – не так это привлекательно, как кажется.

Когда я еще только начала более или менее регулярно посещать службы, в институте познакомилась с девочкой, которая назвалась православной, но ездила иногда на конференции «Новой жизни». Их священник благословил. Я тогда неприятно удивилась: если ты православный и искренне веришь, зачем тебе чужая религия? Эта девочка, умная, яркая, необычная, все приглашала в православный кружок по изучению Библии. Мы сто раз назначали время встретиться, и каждый раз то я не могла, то она, иногда в последний момент срывалось. Позже до меня дошла какая-то информация о приходе Косьмы и Дамиана. Я уже не стремилась в кружок. Девочка что-то смутно почуяла и перестала приглашать. Держалась не как все, с вывертом, с претензией. Позже узнала, что и приход с претензией.

Однажды случайно побывала на еврейском православном приходе. Все это мне претит: молодежный приход, еврейский приход (даже у протестантов есть: евреи за Иисуса), интеллигентский приход, элитный приход. Все это кажется мне искусственным и вычурным. Христос объединяет людей, зачем разделяться на секты какие-то по всяким признакам. Я как-то стояла на службе рядом с бабушкой, ухаживающей за свечами, очень старенькой, но бодрой. Стали петь «Царице моя преблагая» Как она пела дребезжащим своим голоском, плакала, не подозревая, что я смотрю, вбираю ее всю в себя, надеясь, что может быть и мне Господь когда-нибудь даст вот так помолиться, как она. На кого променяю бабушку? На интеллектуала? На разбирающегося, в какой семинарии какой уклон, бранящего Святителя Игнатия Брянчанинова (не по нутру! Твердо!) Нет, оставьте мне бабушку, оставьте дурачка в валенках, собирающего милостыню и покупающего на нее свечи, которые ставит за нас, умников.

Да, я теперь понимаю женщину, давшую мне когда-то новый платок, чтоб могла в храм войти: «Святых тебе не хватает». Конечно, не хватает! С тех пор, как появились дети, Святитель Николай не сходит с уст моих: и детей охраняет, и ботиночек потерявшийся находит, не гнушается, и бутылочку, брошенную старшим в младшего, пронесит мимо его головки. Одним словом: наш потаковщик.

Еще посещая «Новую жизнь», открыла Серафима Саровского...И поняла, что все, что говорит этот старичок – правда. Все-все правда. И если он говорит, что «в церкви и пол тряпochкой протереть – великое дело» - значит, великое.

Одна из наших прихожанок

Детские Страницы / Children's Pages